

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

А.А. Кудрявцева

**ПЕРЕХОД
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В ОТВЛЕЧЕННЫЕ
НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ**

Рассматриваются апеллятивизированные единицы, которые, образовавшись на основе стилистического приёма прономинания, перешли в отвлечённые нарицательные существительные. Проанализированы синонимические пары, образовавшиеся в результате данного перехода; установлено, во-первых, что подобным единицам свойственны два вида сочетаемости — антропоморфная и неантропоморфная, во-вторых, что данные единицы функционируют в художественной речи в качестве стилистических синонимов соответствующих апеллятивов.

Ключевые слова: *апеллятивизация, апеллятивизированный оним, отвлечённое существительное, олицетворение, прономинация, синоним, сочетаемость.*

Кудрявцева Анна Аркадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Тел.: 8-844-2-33-48-67

E-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

© Кудрявцева А.А., 2013.

Переход онимов (имён собственных) в апеллятивы (имена нарицательные) — явление, нередкое в русском языке. Данный переход осуществляется на основе стилистического приёма прономинания — «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [Квятковский, с. 227]. В результате перехода имен собственных в нарицательные образуются единицы, которые мы называем прономинантами (прономинант — это семантический дериват, произведенный от онима). Поскольку прием прономинания является по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [Томашевский, с. 66], т. е. к словам, нейтральным в оценочном и стилистическом планах, то прономинация является одним из источников синонимии в современном русском языке: вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты (т. е. апеллятивизированные онимы) образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды. Лексической основой стилистического приёма прономинания являются имена собственные, однако в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя [Москвин, с. 244]. Феномен прецедентности в отечественной лингвистике рассматривался многими исследователями: В.Ю.Арбузовой, Н.Д. Бурвиковой, С.Г. Воркачёвым, Д.Б. Гудковым, В.И. Карасиком, Ю.Н. Карауловым, Г.Ф. Ковалевым, В.Г. Костомаровым, В.В. Красных, Н.Г.Михновец,

В.П. Москвиным, Т.В. Постновой, Г.Г. Слышкиным и другими. Учёные выделяют собственно прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентную ситуацию. Прецедентным именем называют «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (*Анна Каренина*, *Обломов*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин*); в состав прецедентных имен входят также 3) имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (*Наполеон*, *Сальери*)» [Соколова, www].

Актуальность нашего исследования обусловлена возросшим в последние годы интересом ученых-языковедов к феномену прецедентных имён и семантической структуре онима, которая включает компоненты, позволяющие ему выступать в качестве апеллятивизированной единицы. Данный вопрос поднимается в работах М.В. Голомидовой, Д.Б. Гудкова, В.А. Лукина, Е.С. Отлина, И.Э. Ратниковой, О.В. Фроловой, Т.В. Хвесько и др., но при этом «проблема значения имени собственного, его семантического и функционального потенциала отнюдь не является решённой» [Родионова, с. 121]. Более того, в отечественной лингвистической науке процесс апеллятивизации до сих пор не подвергался полному, всестороннему изучению.

По нашим наблюдениям, онимы, подвергаясь апеллятивизации, в подавляющем большинстве случаев переходят в конкретные существительные (*Плюшкин — скопидом*, *Отелло — ревнивец*, *Диана — луна* и т.п.), т. е. в «слова, называющие вещи, лица, факты и все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и подвергнуты счету» [Русская грамматика, с. 460]. Также нами отмечен единичный случай перехода онима в вещественное существительное (*Бахус — вино*).

Кроме того, среди апеллятивизированных единиц зафиксирована немногочисленная группа слов, перешедших в отвлеченные (абстрактные) существительные, т. е. в «слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния» [Там же]. Это прономинанты *Киприда* (любовь), *Немезида* (возмездие), *Фемиды* (правосудие), *Приан* (сладострастие), *Морфей* (сон) и *Бахус* (алкоголизм).

Отметим, что подобные слова образовались на основе олицетворения, которое представляет собой «особый вид метафоры; стилистический прием, состоящий в том, что неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписывают свойства, действия, поступки, присущие человеку, например: “*Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Ведут беседу меж собой*” (Тютчев)» [Бельчиков, с. 285]. Как отмечают ученые [Веселовский, с. 101; Константинова, с. 18], своим происхождением олицетворение обязано тем особенностям архаического мышления, которые получили название анимистических (от лат. *anima* – дух, душа). Термин «анимизм» ввел в научный обиход английский этнограф Э.Б. Тайлор, который, анализируя первобытную мифологию и религию, пришел к выводу о том, что люди

в первобытном обществе приписывали наличие души, наравне с человеком, также и животным, растениям и даже верили в «существование отдельной души, или духа, в палке, камне, оружии, лодке, пище, одежде, украшениях и других предметах, которые кажутся нам не только неодушевленными, но даже безжизненными» [Тайлор, с. 239]. Данный факт объясняется следующими особенностями архаического мышления: во-первых, «высокой степенью слияния индивида с окружающей природой» [Кликс, с. 152], во-вторых, верой в то, что «свойства одних живых существ могут переноситься на другие живые существа и даже неодушевленные предметы» [Там же, с. 163]. Сопоставление человеческой жизни с природной в художественном творчестве А.Н.Веселовский назвал «психологическим параллелизмом» [Веселовский, с. 101]. Именно психологический параллелизм лежит в основе олицетворения. Олицетворение, по мнению исследователей, является одним из наиболее распространенных стилистических приемов; чаще всего оно встречается в фольклоре и художественной литературе (преимущественно в поэзии), а также в публицистике и в языке средств массовой информации [Квятковский, с. 183; Некрасова, с. 34; Бельчиков, с. 285].

Исследованный нами материал показал, что у прономинантов, образованных на основе олицетворения, наблюдается два вида сочетаемости – антропоморфная и неантропоморфная. Антропоморфную сочетаемость рассматриваемые единицы приобретают, как нам представляется, тогда, когда актуализируется вспомогательный субъект метафоры, т. е. внутренняя форма прономинанта. Приведем примеры подобных случаев: *Фемида проявила удивительное снисхождение к отпрыску «железной леди»* (Известия, 2006, 27 июня.; ср.: *богиня проявила снисхождение*); *Если человек манкирует законами товарищества, то пропадет рано или поздно; ничто его не спасет; он может изловчиться отсрочку получить, умеючи, но рано или поздно Немезида его настигнет* (В.Ф. Панова. Времена года. Из летописей города Энска; ср.: *богиня его настигнет*). В приведенных примерах правосудию и возмездию приписываются различные качества и свойства, которые могут быть присущи антропоморфному существу – человеку или богу. При актуализации основного субъекта метафоры рассматриваемые единицы приобретают неантропоморфную сочетаемость, например: *Спора нет, историческая Немезида, о которой так любят многие говорить, в том и состоит, что «над Россией тяготеет проклятие, налагаемое историей на всякую отсталую и развращенную страну» – как писали когда-то еще в «Черном Переделе»* (С.П. Мельгунов. «Красный террор» в России; ср.: *историческое возмездие в том и состоит – *историческая богиня в том и состоит*).

Проанализируем синонимические пары, включающие апеллятивизированные единицы, перешедшие в отвлечённые имена существительные.

При участии прономинанта *Киприда* образовалась синонимическая пара *любовь – Киприда* (Киприда – одно из культовых прозвищ древнегреческой богини любви Афродиты). Рассматриваемый прономинант

зафиксирован нами в русской поэзии XIX в. Данная единица обнаруживает способность к двум видам сочетаемости — антропоморфной и неантропоморфной. Отметим, что контекстов, в которых прономинант *Киприда* обладает антропоморфной сочетаемостью, несколько меньше. Приведем примеры: *И гонит тихую рукой /И сны, внушенные Кипридой, /И сладкий девственный покой. /В уединенном упоенье /Ты мыслишь обмануть любовь* (А.С.Пушкин. Платонизм; ср.: *сны, внушенные богиней*); *Уж мало ли любовь играла в жизни мной? /Уж мало ль бился я, как ястреб молодой, /В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой* (А.С.Пушкин. Как-то я прежде был, таков и ныне я...; ср.: *в обманчивых сетях, раскинутых богиней*).

Обратимся к контекстам, в которых прономинант *Киприда* обнаруживает неантропоморфную сочетаемость: *Киприды приторную сладость, /Да пробудительные сны, /Да усыпительную радость. /И что я пел? Любовь, мечты!* (Н.М.Языков. А.Н. Вульф; ср.: *любви приторная сладость – *богини приторная сладость*); *Как безрассудна, как пуста / Нам присужденная Киприда! /С каким доверчивым огнем /Красе жеманной и надменной /Мы чувство сильное даем /Души, впервые пробужденной!* (Н.М.Языков. Мой апокалипсис; ср.: *нам присужденная любовь – *нам присужденная богиня*); *Я твой, я твой, Аделаида! /Тобой узнал я, как сильна, /Как восхитительна Киприда /И как торжественна она!* (Н.М.Языков. Аделаида; ср.: *тобой узнал я, как сильна... любовь – *тобой узнал я, как сильна... богиня*).

Произведенный анализ не выявил семантических различий между прономинантом *Киприда* и словом *любовь*. Данные единицы являются стилистическими синонимами, так как прономинант принадлежит поэтической речи, а слово *любовь* имеет межстилевой характер.

При участии прономинанта *Немезида* образовалась синонимическая пара *возмездие – Немезида* (*Немезида* – древнегреческая богиня возмездия).

Немногочисленные примеры употребления рассматриваемого прономинанта зафиксированы нами в русской поэзии XIX в.; данная единица обнаруживает преимущественно антропоморфную сочетаемость: *Лемносский бог тебя сковал /Для рук бессмертной Немезиды* (А.С.Пушкин. Кинжал; ср.: *для рук бессмертной богини*); *И длань народной Немезиды /Подъяту видит великан: /И до последней все обиды /Отплачены тебе, тиран!* (А.С.Пушкин. Наполеон; в данном примере наблюдается контаминация обоих типов сочетаемости; ср.: *длань богини и народное возмездие*); *Они народной Немезиды /Не узрят гневного лица* (А.С.Пушкин. Бородинская годовщина; здесь также находим антропоморфную (ср.: *лицо богини*) и неантропоморфную (ср.: *народное возмездие*) сочетаемость); *Грустно видеть бездну черную /После неба и цветов, /Но грустнее жизнь позорную /Убивать среди рабов /И, поправному обидою, /Видеть вечно за собой /С неотступной Немезидою /Безответственный разбой* (А.И.Полежаев. Негодование; ср.: *с неотступным возмездием*).

Кроме того, прономинант *Немезида* встречается в прозе XIX – середины XX вв., также обнаруживая способность к двум видам сочетаемости.

Приведём примеры контекстов с антропоморфной сочетаемостью: *Немезида надвигалась, а слепые ничего не знали твердо, чуяли беду, но руля не было* (Б.К. Зайцев. Побежденный (Блок); ср.: *богиня надвигалась*); *Слишком долго наша интеллигенция исповедовала и проповедовала «оппозицию, как мировоззрение», чтобы не пришла Немезида* (Н.В. Устрялов. Россия (У окна вагона); ср.: *пришла богиня*).

Случаи неантропоморфной сочетаемости также весьма многочисленны, например: *... Но страшна была и немезида: бабушка пережила всех дорогих – и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна в 85 лет, оплакивая Михаила Юрьевича так, что веки ее от слез ослабели и сами закрывали глаза, которым не суждено было видеть дорогие черты* (П.А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова; ср.: *но страшно было и возмездие*); *Ведь, конечно, наша попытка окончится провалом, и нас ждет суровая расправа... Это Немезида... Мы заварили кашу и нам же следует ее расхлебывать...* (Г.А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей; ср.: *нас ждёт суровая расправа... Это возмездие*).

Наблюдаем и контексты, в которых совмещены оба вида сочетаемости: *Мне следовало просто-напросто уйти, показав вид, что общественная немезида удовлетворена* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы. Картины нравов); ср.: *общественное возмездие и богиня удовлетворена*); *Это ли обстоятельство создало ему репутацию тюремного доносчика, или, раз поддавшись искушению, ему действительно не оставалось ничего другого, – но только его настигла суровая тюремная Немезида: 20 ноября 1908 года он вбежал, обливаясь кровью, со двора в тюремную больницу* (В.Г. Короленко. Черты военного правосудия; ср.: *суровая богиня и тюремное возмездие*); *И да свершится надо мной справедливая Немезида!* (О.Д. Форш. Одеты камнем (1924–1925); ср.: *да свершится надо мной возмездие и справедливая богиня*).

Прономинант *Немезида* не отличается от слова *возмездие* в семантическом плане. Отметим, что он функционирует в поэзии, художественной прозе и публицистике XIX – начала XX в., однако не встречается в текстах периода середины XX – начала XXI в., что с некоторой вероятностью может свидетельствовать об устаревании данной единицы.

Прономинант *Бахус*, по данным нашей картотеки, может использоваться в качестве синонима слова *алкоголизм* (в древнеримской мифологии Бахус – бог виноделия). В этом значении он встречается как в художественной прозе XIX в., так и в современной публицистике. Приведём примеры: *Тут подошел Хвостиков с пасмурным лицом, но заметно было, что Бахус положил уже на нем печать свою* (В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова; ср.: *алкоголизм положил уже на нем печать свою, а также устойчивое выражение печать алкоголизма*); *«Фухуса» лечит от Бахуса* (Комсомольская правда, 1997, 20 дек.; заголовок статьи, в которой гово-

рится: *Новый лекарственный препарат «Фухуса», позволяющий эффективно лечить алкогольную зависимость, создан недавно вьетнамскими фармакологами*; *Тони Адамс, знаменитый английский боксер, страдает от Бахуса. Недавно ему пришлось пройти трехмесячный курс реабилитации в одной из лучших частных клиник Великобритании* (Комсомольская правда, 1998, 17 мая; ср.: *страдает от алкоголизма*). Прономинант *Бахус* не имеет семантических различий со словом *алкоголизм* и является его стилистическим синонимом, так как употребляется только в сфере публицистики и художественной речи, тогда как слово *алкоголизм* может использоваться в любом стиле.

Окказиональный прономинант *Приап* встретился в стихотворении А.С.Пушкина «В.В.Энгельгардту» в качестве эвфемистической замены слова *сладострастие* (Приап – греческий бог садов, полей, позднее ставший также богом сладострастия, чувственных наслаждений): *Здоровье, легкий друг Приапа, /И сон, и сладостный покой, /Как прежде, посетили снова /Мой угол тесный и простой*. В данном случае мы наблюдаем антропоморфную сочетаемость, так как друг может быть только у живого существа.

При участии прономинанта *Фемида* образовалась синонимическая пара *правосудие – Фемида* (Фемида – древнегреческая богиня правосудия).

Рассматриваемый прономинант широко используется в современной публицистике, например: *Ни бывшего генерального прокурора А. Илюшенко, ни бывшего главного военного инспектора К. Кобеца российская Фемида так и не смогла до сих пор осудить* (Аргументы и факты, 1998, № 9; ср.: *российское правосудие*); *Людмила Константиновна не потеряла веру в отечественную Фемиду* (Телепередача; ср.: *не потеряла веру в отечественное правосудие*); *Вместе с Березовским защиты у британский Фемиды попросил и заместитель генерального директора «Аэрофлота» Николай Глушков* (Комсомольская правда, 1997, 4 апр.; ср.: *защиты у британского правосудия попросил...*); *Кризис – помеха для Фемиды* (Городские вести, 1998, 29. окт.; ср.: *кризис – помеха для правосудия*).

Отметим, что большинство случаев использования данной единицы характеризуется антропоморфной сочетаемостью. Приведём примеры: *Через полгода Фемида настигла Самохину, осудив на год условно, с выплатой суммы долга в 19 тысяч (стоимость телевизора плюс кредитные проценты) и регулярной отметкой в милиции* (Комсомольская правда, 2009 30 янв.; ср.: *богиня настигла*); *Калининградская Фемида, прежде упорно отмахивавшая даже мысль о каком-то перерасчете, в июне 2004 года признала-таки право военных пенсионеров на компенсацию не оплаченных государством денег...* (газета «Калининградские Новые колеса», 2004, 11 нояб.; отметить мысль и признавать право может только антропоморфное существо. Характерно, что заголовок статьи – «Трусливая фемида» – также содержит прономинант в антропоморфной сочетаемости, ср.: *трусливая богиня*); *А в том, что американская Фемида ради*

такой сделки может закрыть глаза на любое совершенное, а не только гипотетическое преступление, сомневаться не стоит (Комсомольская правда, 2011, 22 янв.; ср.: *богиня может закрыть глаза*); Впрочем, американская Фемида не всегда бывает так снисходительна к мошенникам-инсайдерам (РБК Daily, 2011, 21 янв.; ср.: *богиня не всегда бывает снисходительна*).

Возможность субституции свидетельствует об отсутствии семантических различий между синонимами *правосудие* и *Фемида*. Данные единицы различаются сферой употребления, так как прономинант функционирует в сфере публицистики, а слово *правосудие* стилистически не окрашено.

Рассмотренные примеры подтверждают, как нам представляется, тот факт, что онимы, подвергаясь апеллятвизации, могут переходить в разряд отвлечённых существительных, функционируя в художественной и публицистической речи в качестве стилистических синонимов соответствующих апеллятивов.

Литература

- Бельчиков Ю.А.* Олицетворение // Русский язык: энциклопедия. М., 1997.
- Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля // *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М., 1966.
- Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. М., 1983.
- Константинова С.К.* Семантика олицетворения. Курск, 1997.
- Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006.
- Некрасова Е.А.* Олицетворение как элемент художественного идиостиля // Стилистика художественной литературы. М., 1982.
- Родионова И.В.* Рецензия на кн.: *Ратникова И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- Русская грамматика : в 2 т. Т. 1: Фонетика; Фонология; Ударение; Интонация; Словообразование; Морфология / Н. С. Авилова [и др.]; гл. ред. Н. Ю. Шведова; Академия наук СССР, Институт русского языка. М., 1980.
- Соколова О.И.* Личное имя собственное как прецедентный феномен // Междунар. науч.-практ. (электронный) журн. «INTER-CULTUR@L-NET», Вып. 5. 2006. - URL http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v5/v5_ar06.html (дата обращения 12 окт. 2012)
- Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989.
- Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1996.